

даже вечно хмурого, расплылось лицо в улыбке. Он умеет растормошить даже лежачих больных. Они оживают на глазах, их слух обостряется, когда им поют русскую народную песню, слышанную еще в детстве, они сами хотят ее подтянуть. Он сидит на скамеечке вместе с теми старушками, у которых застоялась кровь не оттого, что они здесь мало двигаются, а оттого, что давно не пели песню. Поливиченко шутит с ними, приобнимает, и они своими несколько поблекшими голосами выдают такие задушевные мелодии, что диву даешься. Сердце умягчается, хочется подтянуть этими замечательным, поющим людям. В такие минуты начинаешь понимать, что человеку не так уж много и надо для счастья. Всего лишь, чтобы можно было вместе с кем-то спеть. Пообщаться...

Можно сказать, что и здесь, у людей по сути обездоленных, со сломанными судьбами, обреченными в старости на одиночество, Поливиченко получил признание и любовь. Не добился он взаимопонимания только у чиновников. Три раза подавал он документы на грант, чтобы открыть центр народного ремесла в районном «Доме-интернате для людей преклонного возраста и инвалидов». Хотелось ему, чтобы старики на колясках не только песни пели и танцевали с его ансамблем, но и могли изготавливать керамические изделия, занимались плетением корзин, могли производить собственными руками другие предметы быта. Есть кому в районе научить этому обездоленных стариков, имеются мастера в «Центре народных промыслов и ремесел». Поливиченко был уверен, что эта творческая работа вдохнула бы в души подопечных оптимизм и надежду, дала бы и дополнительные доходы кроме пенсии и государственных пособий.

Его надеждам не суждено было сбыться и на этот раз. Трижды ему отказывали в гранте. Поливиченко добился приема у Рудского В. В., бывшего в то